

УДК 821.161.1

Никонова А.А.*Московский государственный областной университет***ПОЭЗИЯ АЛЕКСИСА РАННИТА В ПЕРЕВОДАХ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА**

Аннотация. В статье анализируется переводческая деятельность Игоря Северянина на примере поэтических сборников Алексиса Раннита. Основное внимание уделяется ассоциативным рядам, которые формируются на базе лейтмотивных образов: географических и культурологических, звуковых и зрительных (в особенности цветовых). Также в статье рассматриваются особенности авторских неологизмов, которые способствуют созданию авторского стиля и «узнаванию» поэтического языка переводчика. Особое внимание уделяется чуткости переводчика при воспроизведении внутреннего мира переводимого поэта.

Ключевые слова: Эстония, Литва, Россия, Алексис Раннит, эмиграция, перевод, ассоциативный ряд, авторский неологизм, пессимизм, лейтмотив, цветовая и звуковая инструментовка, ностальгические мотивы.

A. Nikonova*Moscow State Regional University***POETRY OF ALEXIS RANNIT IN TRANSLATIONS OF IGOR SEVERYANIN**

Abstract. The article analyzes the translation works of Igor Severyanin on the example of poetry collections of Alexis Rannit. It focuses mainly on the associative series, which are formed on the basis of images leitmotiv: geographical and cultural, audio and visual (especially color ones). The article also discusses the features of author's neologisms that help to create the author's style and the «recognition» of poetic language of a translator. Particular attention is paid to translator's sensitivity when representing the inner world of the poet translated.

Keywords: Estonia, Lithuania, Russia, Alexis Rannit, emigration, transfer, associative array, author neologism, pessimism, leitmotiv, color and sound instrumentation, nostalgic motives.

Одной из сторон творческой жизни Игоря Северянина была переводческая деятельность. В годы эмиграции он тщательно работал в этом направлении, составляя антологию «Поэты Эстонии» (1929). Переводя различных лириков, Северянин уделял особое внимание «современным авторам», «любезно предоставившим свои книги» [4, с. 473]. Речь идёт, в частности, об Алексисе Ранните (1914 – 1985), две книги которого («В оконном переплёте» (1938 г.) и «Via dolorosa» (1938 г.) переведены Северяниным. В них актуализируется стремление передать настроение и мироощущение переводимого поэта. В судьбе Алексиса Раннита соединились не только Россия, Эстония, как и у Игоря Северянина, а также Лит-

ва. Русский по происхождению (настоящее имя Алексей Константинович Долгошев), Раннит писал на эстонском, но воспевал Литву, переводил и популяризировал литовскую литературу [1, с. 137]. Не только Северянин был рад закрепиться на позиции переводчика эстонских поэтов, но и Раннит был заинтересован Северяниным как переводчиком. «Статус Северянина имел для удостоверения качества стихов и утверждения ранга автора значение большее, чем гипотетически возможный собственный перевод либо переводы младших по возрасту и литературному поколению Ю.Д. Шумакова или таких билингв, как В. Адамс, Ю. Иваск, Б.Тагго-Новосадов. Привлечение в качестве переводчика и автора предисловия поэта с уже сложившейся репутацией в русской и эстонской литературных средах говорит об ориентации на литературную иерархию (и русскую, и эстонскую)» [1, с. 145].

Сборники «В оконном переплёте» и «Via dolorosa» обращены, прежде всего, к Литве. Об этом говорят названия: «Песнь Литве», «Моя Литва», посвящения Ремидису, Нерис, Бинкису, переводы литовских поэтов: Гиры, Шкляра, Жянге и других. Ирония судьбы заключалась в том, что симбиоз поэтов (Северянина и Раннита), означал сотрудничество двух русских людей, каждый из которых воспел свою ласковую «мачеху» – Литву, Эстонию. Знающий только русский язык Северянин переводил с эстонского стихи о Литве, написанные его трилингвическим «соотечественником». Северянин замечает в предисловии к сборнику «В оконном переплёте»: «Раннит любит одновременно Эстонию, Литву и Россию» [2, с. 7-8]

Северянин старался передать общее настроение тоски, сквозящей в стихотворениях Раннита. Точно переданы повторяющиеся образы, создающие мотивы, которые, многократно варьируясь, действуют суггестивно и создают ощущение цельности сборников. Например, название «В оконном переплёте» несёт не только обозначение окна как такового, но и переплетается с образами, в русском языке связанными с этимологией слова «окно», «окно-око», а также множеством ассоциаций, связанных со взглядом. Поэтому в русском варианте данный ассоциативный ряд образно глубже, нежели в эстонском, где окно – aken [5, с. 179, т. 1] – русизм, а глаз – silm [5, с. 501, т. 4] – финно-угорского происхождения, и слова эти не имеют традиции сопоставления: «Кто-то в руки взял огромный молот и ударил в зеркало души. Сталь её растреснута, и хрупко преломилась жизнь в её тиши» [2, с. 14]. Здесь «зеркало души» читается и как устойчивый оборот, обозначающий «глаза», и буквально как нечто, способное отражать и разбиться. Так рождается и продолжается ассоциативный ряд – окно–глаза–душа–зеркало (и всё, способное отражать – вода, стекло, сталь). Легко проследить сопоставление образа лица и ветхой избы: «Под тяжкой ресниц смолою – стекло поскучевших глаз. Гнилою стала крышка души у нас» [2, с. 22]. Автор просит «ответа без лжи» у «глаз зеркал», но в ответ – мертвенность и ложь: «В глазах её вывеска лжи» [2, с. 22]. К теме фасада-лица примыкает и образ маски. «И лицо своё прячу я в маску, хоча, как больной арлекин. Не поняв меня, смотрят с опаской фонари и души твоей сплин» [2, с. 46-47]. Жи-

вой блеск глаз подменяется неживым блеском – даже фонари и цветы оказываются живой: «Огни реклам и глаз твоих цветенье цвета смешали: мёртвый цвета плеск. Я вздрогнул: смотря зорко – стекла сквозь, – ресницы астр коричнево-багряны» [2, с. 46-47]. Метафоры рожают ощущение одушевлённости неодушевлённого и наоборот – того, что некогда одушевлённое потеряло душу. Используя переплетения ассоциативных рядов, связанных с очами-окнами, Раннит описывает усталость своей души, которая сталкивается с пустотой – «пустырь глаз». Любовь (к женщине, родине, миру) попорана, и весь сборник переполняет чувство разочарования.

Светлым, позитивным образом можно назвать «Иисуса глаза всеблагия». И всё же «В оконном переплёте» и «Via dolorosa» скорее пессимистичны, просветы редки. Стихотворения полны мрачными, траурными образами. Строки жутко пестрят могилами, гробами: «звон лопаты» – «вырос холм» [2, с. 15-16], склепами, упоминанием смерти, скорби. Чёрный цвет (и однокоренные слова) упоминается 28 раз, серый – 18 (также седина, сталь, пепел, серебро), эпитет «тёмный» – 12 раз на небольшом количестве страниц, которые занимают оба сборника. «Жёлтый» несёт оттенок болезненности ветра, тумана, «гиблого» локона, даже губ. «Белый» не позитивен, а печален. Так, описание «зимней литвинки» начинается «белым инеем ресниц», затем появляется «в глазах белая грусть» под «снежный звон» колоколов, и «рот горек немо» [2, с. 36-37]. О ресницах сказано – «стружки снега» [6, с. 29]. Рождаются образ суровой земли, её сдержанных людей, а шире – зябкого и зыбкого мира.

Стихотворения интересны с акустической стороны. В них – шум волн, зов, звон, вой, стон, лязг, скрип. Часто говорится о тишине, молчании: «тишь северная» разбавлена «шорохом неба» – ветром. Сквозь пелену безмолвия прорывается музыка, обостряющая чувства: «я с сердца рояля рву ноты» [2, с. 17], «лира выкована из скорбей» [2, с. 23], «в твоём сердце пролетают скрипок птицы» [6, с. 45]. Но звук, едва появившись, вскоре тонет в тишине и молчании: «Ты потеряла голос глаз своих певучих» [6, с. 60]; «Никто твоё имя не смоет, в дали хоть оно и замрёт» [2, с. 18]. Если появляется смех, то «подлый», если улыбка, то недобрая: «Ало согнут луком лукавый твой рот» [2, с. 52]. Очертания губ вырисовывают и природу – «вечер сухогубый», космос – «губы звёзд сухи», и передают оттенки абстрактных понятий – «у горя бескровней нет губ, кровавей у радости губ» [6, с. 33].

Общему настроению сплина вторит угасающий свет: закат, вечер, сумерки, поздняя осень с гнилью, грязью, туманом, холодом. Если есть «весна», то какая-то нездешняя (мотив весны, воскресения звучит в стихотворениях, где говорится о Христе), если «здешняя», то суровая – «вешний холод». Неприкаянность, быстротечность, однообразность передают дюны, песок, пыль, сталь северного моря – всё это неотъемлемые составляющие и пейзажа, и эмоционального состояния Алексиса Раннита: «У Литвы небеса так бездонны, и небесна бездомность Литвы» [6, с. 31]. Кажется бы, одна надежда, свет для Раннита – Христос, чьи глаза «всеблагия», но из «сети воспоминаний» проясняется: «Безрадостной, пасмурной веры полон каждый мучительный миг» [2, с. 16].

Мироощущения поэтов – Северянина и Раннита – разительно отличаются. Раннит последователен, постоянен в настроении, мнении, в тексте можно чётко выделить акценты, ассоциативные ряды, лейтмотивы, которые различным образом переплетаются, создавая общую картину мировоззрения поэта. Северянин же часто высказывает в поэзии противоположные чувства об одном предмете. К тому же, выстраивая сборники, Северянин ставил рядом стихотворения разных лет, настроений, тем. Несмотря на то что тотальный пессимизм, педантичность в подборке стихов Раннитом не столь близки Северянину, как переводчик он полно и ёмко воспроизводит на русском языке стихотворения рассматриваемых сборников, не оставляя ощущения «осеворянинности».

Есть и то, что близко Северянину в поэзии Раннита – ироничная критика пошлости, неискренности. В стихотворении «Купленные лавры» звучит негативная оценка продажных поэтов, поющих по заказу, а не по зову сердца. Но, если говорить о Северянине, ему всё же близко не противопоставление «заказ» – «сердце», а «головная поэзия» – «сердечная поэзия». «Узнать» Северянина в переводах помогают авторские неологизмы, употреблённые ради лаконичной образности: «огнепряжа», «оволил», «впламь», «изломный», «крапат» и многие другие. Все они созданы с использованием русских словообразовательных ресурсов и не привлекают к себе повышенного внимания.

Северянин не только стремится перевести, но и ценит оригинальный оборот речи сам по себе. В «Литовской песне» есть строки: «К ступеням ноч-

ной небесной лестницы острый серп прибит луны» [2, с. 34]. К слову «серп» примечание: «В оригинале: «подкова», что значительно свежее, но, к сожалению, невыполнимо из-за размера. Прим. перевод» [2, с. 35]. Т. о., Северянин признаётся, что, не найдя равноценного перевода обороту Раннита, он рад поделиться находкой как таковой. В этом Северянин был верен себе – космоисту – и невольно соответствовал духу эпохи и родины, объётой переводческим бумом. Контрастирует Северянин с соплеменниками в том, что, издавая книгу «В оконном переплёте» уже в 1938 году, поэт пользуется правилами дореволюционной грамматики: «у улична**го** камня», «блеск разсудка». Оттого при чтении сборника возникает ощущение ретроспективы. В примечаниях к сборнику «В оконном переплёте» упоминается следующее: «25 экземпляров этой книги отпечатаны на рисовальной бумаге Planum и снабжены художницей Карин Лутс ручными оттисками оригинальных гравюр». Точно время повернулось вспять, и книга издаётся не за год до Второй мировой войны, а во времена и под эгидой мирискусников. Северянин, несмотря на суровую, скромную жизнь в эстийской глуши, остался эстетом в лучшем смысле этого слова. Недаром у поэта есть такой афоризм: «Изысканность – это то, что мы потеряли навеки 19 июля 1914 года!.. Вернее: 25 октября 1917 года» [3, с. 639]. Игорем Северяниным были также переведены с эстонского поэтические сборники «Amores» (1922) и «Полевая фиалка» (1939) Генрика Виснапу, «Предцветень» (1937) Марии Ундер. Нашей целью было рассмотреть на примере одного автора переводче-

скую деятельность Игоря Северянина в эстонский период творчества, сделав акцент на чуткой передаче им ассоциативных рядов, лейтмотивов, своеобразия личности переводимого поэта при неуловимо проступающей индивидуальности переводчика – тончайшего лирика и философа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лаврениц П. Статус писателя в диалоге культур: казус Алексиса Раннита. [Электронный ресурс]. – // URL: http://www.ruthenia.ru/Blok_XVIII/Lavrinets.pdf (Дата обращения: 08.01.14).
2. Раннит Алексис. В оконном переплете. Переводы с эстонского Игоря Северянина. Tallinn: Издательство Академического Союза Объединенных Искусств, 1938. – 60 с. Предисловие [Игоря Северянина].
3. Северянин Игорь. Поэзы и прозы. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 656 с.
4. Северянин Игорь. Сочинения / Сост. С. Исаков, Р. Круус. – Таллинн: Ээсти раамат, 1900. – 544с.: ил.
5. Эстонско-русский словарь в 5 томах. / Коллектив авторов. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 1997-2009. – 1 т. – 981с., 2 т. – 1079с., 3 т. – 1290 с., 4 т. – 1054 с., 5 т. – 1062 с.
6. Rannit Aleksis. Via dolorosa. Авторизованный перевод с эстонского Игоря Северянина. – Stockholm: Северные огни, 1940. – 61 с.